*Ви Мён Чже (Корея)*

# СОПОСТАВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ТОНМЕН-ВАН» ЛИ ГЮ БО

## 1. Общая характеристика. Отличия и сходства

Цель настоящей статьи — сопоставить выдающиеся произведения средневековой русской и корейской литературы «Слово о полку Игореве» (1185 г.) и «Тонмен-ван» (1195 г.) Ли Гю Бо, так как они имеют очень характерные, важные черты сходства и отличия.

1.1. «Тонмен-ван»[1] — героическая поэма, основанная на мифе о Тонмене, основателе одного из древнекорейских государств — Когуре (37 до н.э.—667 г. н.э.). Этот памятник дошел до нас в сборнике Ли Гю Бо «Тон Кук Ли Сань Кук Чжип» («Сборник произведений об идеальной восточной стране»), который появился в 1195 г.

Автор «Тонмен-ван» Ли Гю Бо (1169–1247 гг.) — великий поэт эпохи государства Коре (918–1392 гг.). Он создал много исторических произведений, вдохновленных идеей повышения национального самосознания народа, укрепления его стремления к независимости. «Тонмен-ван» принадлежит к этому циклу. Кроме того, он написал много поэтических произведений о крестьянстве, раскрывающих и обличающих противоречия действительности.

«Тонмен-ван» написана заимствованным из Китая размером стихосложния: каждая строка поэмы содержит 5 древнекитайских иероглифов[2]. «Тонмен-ван» состоит из 289 стихотворных строк по пять иероглифов в строке (всего 1.400 иероглифов) и сносок-комментариев (430 строчек по пять иероглифов, всего 2.200 иероглифов)[3]. Небольшое предисловие к поэме написано прозой.

В предисловии автор говорит о целях написания героической поэмы «Тонмен-ван». Основную часть поэмы можно разделить на 3 части: 1) вступление, где говорится о генеалогической линии Тонмена, о его предках (до его рождения); 2) главная часть, посвященная эпизодам рождения Тонмена, испытаниям, его борьбе с

врагами, победе и основанию государства Когуре; 3)заключительная часть. В ней говорится о наследнике королевского престола Юрии, сыне Тонмена, который продолжал деяния отца. Здесь же Ли Гю Бо дает в лирической форме свое осмысление отраженных в поэме событий и высказывает отношение к героям поэмы.

«Слово» — своеобразное ритмическое произведение. По Д.С.Лихачеву, ритм «Слова», определяющийся в основном синтаксическим построением фраз, неразрывно связан со смыслом, с содержанием текста. На наш взгляд, ритмическая система «Слова» ближе к ритму «Тонмен-ван», чем ритмика современной русской поэзии. Ритм китайских и корейских стихов традиционно связывается прежде всего с содержанием текста[4]. «Слово» имеет больше черт прозаических, чем «Тонмен-ван», написанный, за исключением введения, в четко определенной стихотворной форме.

1.2. «Слово» возникло в период распада единой Руси на княжества, стремившиеся к полной самостоятельности и воевавшие между собой за владения, старшинство, словом, за свои особые «эгоистические» интересы. Падает значение Киева как центра Русской Земли. «Слово», будучи непосредственным откликом на события Игорева похода, было вместе с тем призывом к прекращению княжеских усобиц, к объединению перед угрозой страшной внешней опасности.

Время создания «Тонмен-ван» также характеризуется ослаблением центральной власти в феодальном государстве. В 918 г. на корейском полуострове создалось государство Коре, произошло вторичное объединение корейского народа и корейских земель, установилась политическая и социальная система, основанная на идеологии конфуцианства. Эпоха Коре стала временем развития светской аристократической культуры.

Аристократы стояли во главе культурного развития. Со времени официального признания конфуцианства государственной идеологией конфуцианская и буддийская культуры развивались вместе. Однако по мере укрепления конфуцианства в обществе развивается так называемый «китайский централизм», в первую очередь, в среде господствующего класса. Механическое следование конфуцианскому учению вело к беспрекословному подчинению младших старшим, подданных — государю, «маленького» государства (Кореи) — «большому» (Китаю).

История Коре XII в. была временем острых классовых конфликтов. Усилились противоречия в господствующем классе. Борьба за власть и богатство неоднократно перерастала в кровавые сражения. Гораздо активнее стала антифеодальная борьба народных масс. Феодальные мятежи и крестьянские восстания часто переплетались между собой.

В 1170 г. крупные военачальники организовали в столице вооруженный переворот[5]. Мятежники перебили многих представителей высшей столичной знати, свергли короля. Военные заняли высшие посты в правительстве, захватили и поделили между собой земли и богатства отстраненных сановников. Вскоре после этого в страну вторглись монгольские войска, но Коре, терпя большие потери и бедствия, мужественно отстаивало свою независимость. В эпоху Коре северные кочевые народности (кидани, чжучжени, монголы) обладали большой силой. Коре приходилось вести с ними не менее упорную борьбу, чем вела Русь с печенегами, половцами и др. С расширением агрессии врагов[6] в литературе укрепилась тема национальной независимости. В поэзии развивается направление, отразившее активное отношение к жизни, которое можно назвать обличительным[7]. Крупным представителем этого направления был Ли Гю Бо.

Ли Гю Бо в предисловии к поэме «Тонмен-ван» говорит о причинах, побудивших написать ее: «Хочу рассказать потомкам Тонмена, что наша страна создана святым». Ли Гю Бо, обратившийся к древней корейской истории, поставил своей целью воскресить миф, поддерживающий национальную гордость корейского народа как наследника Небесного царства.

1.3. По жанровым признакам «Слово» и «Тонмен-ван» можно назвать героическими поэмами. В них хорошо отражены важнейшие стороны духовной культуры народов Руси и Коре: их идеалы, патриотические чувства, поэтические воззрения.

Корейская мифология рано подверглась историзации. Она больше связана с историей, чем с миром богов. Мифологические персонажи предстают как полуисторические, полулегендарные правители или герои древней Кореи, рождающиеся и действующие в хронологически фиксированное время и в географически ограниченном пространстве. Уже в записи корейских мифов, относящихся к XII—XIII вв., вводились позднейшие исторические и бытовые реалии. Поэтому применительно к письменной традиции речь может идти не более чем о реконструкции мифологических представлений[8]. Исторические предания были живой традицией для корейской литературы XII—XIII вв. Ни в одном из последующих периодов развития корейской литературы нет такого активного интереса к историческому прошлому, к устному творчеству, которое рассказывает о героях этого прошлого[9]. Особенно старательно сохранялись предания о чудесном рождении и необыкновенных деяниях основателей первых корейских государств. Большая часть сохранившегося материала из древнекорейских исторических преданий посвящена Тонмену. Тонмен изображается человеком-богом, описывается его генеалогическая линия, мифологическое рождение, испытание, открытие

страны и продолжение его государственных дел Юрием, сыном Тонмена.

Любопытно, что Тонмен-Чумон как одно лицо — основатель государства Когуре — появился в более поздних памятниках, начиная с XII в. До этого времени в источниках упоминается о двух разных героях: Тонмене, основателе Пуе, и Чумоне, основателе Когуре. Таким образом, до наших дней дошли три группы преданий, посвященных Тонмену-Чумону. Первая группа рассказывает о Тонмене, основателе Пуе. Записи о нем сохранились в наиболее ранних источниках, относящихся к I–IV вв. Вторая группа рассказывает о Чумоне, основателе Когуре. Упоминания о нем сохранились в сочинениях V–VII вв. Третья группа объединяет этих героев в одно лицо. Эти предания сохранились в памятниках XII–XIII вв.[10]

1.4. А.Н.Робинсон, типологически сравнивая «Слово» с памятниками народов мира XI–XIII вв., писал: «Нам представляется, что "Слово" создавалось первоначально как устное, в незначительной мере литературно обработанное лиро-эпическое произведение, как это было с рядом эпических памятников у других народов средневековья, и что подобно им оно восходило к старой дружинной (на Западе — рыцарской) эпической традиции»[11]. Д.С.Лихачев утверждал, что в «Слове» соединены два фольклорных жанра — «слава» и «плач», прославление князей и оплакивание печальных событий[12].

В основе сюжета «Слова» лежит историческое событие, поход Игоря против половцев. «Слово» создано «по былинам сего времени», сохраняет тесную связь с фактами, как они «были», и эти факты, составляющие эпическую основу «Слова», даны в эмоциональном, лирическом восприятии автора. Он восхищается доблестью и мужеством князей, скорбит и плачет об их судьбе, укоряет их за неразумие, страстно призывает всех князей выступить на защиту интересов земли русской, радуется возвращению Игоря из плена. Большинство ученых согласны в том, что в «Слове» очень сильно влияние языческого мировосприятия. Главное событие, излагаемое в «Слове»,— событие современное, но оно теснейшим образом связывается с событиями «старых» времен. Без этих связей изображение похода Игоря потеряло бы свою историческую глубину. Многие эпизоды «Слова» отражают народную традицию, корень которой уходит в дохристианские времена.

«Тонмен-ван» — полуисторическое, полулегендарное произведение. Тонмен, главный герой поэмы,— фигура легендарная. Он, как сын Небесного царства, может действовать со сверхъестественной силой, творить чудеса. Однако автор показывает его и как историческую личность. Ли Гю Бо тщательно изучал и приводил ссылки на источники, из которых он черпал свои материалы.

Автор «Тонмен-ван» в предисловии пишет: «В свете многие говорят о странных и божественных деяниях Тонмена. ... Долго я слушал об этом; смеясь, я раньше говорил: древний учитель Конфуций не писал о неблагородных, причудливых вещах; исторические деяния Тонмена действительно причудливые и вздорные, поэтому они не для нашего сочинения ... Однако, перечитав все трижды, размышляя о смысле прочитанного больше и больше, я проник в суть, и деяния оказались не фантастикой, а святой правдой, не нечистой силой, а божественной. Более того, государственная запись — сочинение, где правдиво описывается действительность. Когда Ким Бу Сик[13] писал "Исторические записи о трех государствах" (по его свидетельству, до Коре были составлены некоторые исторические памятники, но до нас они не дошли), он сильно сократил описание деяний Тонмена. Наверное, Ким Бу Сик сократил их, подумав, что исторические записи призваны исправить мир, поэтому нельзя представить потомкам очень странные сказания... Дела Тонмена являются чудесными историческими деяниями, но если они не записываются, то откуда потомки узнают о них? Поэтому я напишу поэму о них, пусть Небо и Земля узнают, что наша страна изначально была святой» (здесь и далее прозаический перевод стихотворного текста выполнен мною). Этот фрагмент из «Тонмен-вана» хорошо показывает желание автора очистить миф о Тонмене от ложных наслоений и показать его истинное значение как мифа, отразившего подлинную действительность, как мифа, связанного с божественными, а не темными силами[14].

После военного переворота в Коре (1170) с новой силой оживилась так называемая «идея наступления на север». Она имеет глубокие исторические корни. Северное государство Когуре, в III—IV вв. превратившееся в мощную державу, стало своеобразным щитом, долгое время прикрывавшим Корейский полуостров от вторжений кочевников и от агрессивных поползновений Китая. Когуре принадлежала огромная территория Манчжурии. После падения Когуре корейцы потеряли почти всю эту территорию, и приобретение этого региона стало вечной мечтой корейского народа.

После взятия власти военными культура, основанная на принципах конфуцианского учения, стала отвергаться и, естественно, литература отразила это изменение в общественной жизни. В ранний период Коре (918—1170), когда конфуцианские принципы господствовали в официальной литературе, записи о Тонмене искажались, так как миф о Тонмене во многом не соответствовал конфуцианским принципам, но в народе сохранился этот миф, и он почти полностью воскрешен патриотически настроенным Ли Гю Бо.

1.5. «Слово» — художественное произведение, в основе которого лежит историческое событие. Однако в «Слове» есть много мифологических мотивов. В «Слове» небесные силы и силы приро-

ды участвуют в развитии сюжета. Олицетворяются и одушевляются отвлеченные понятия: обида (Дева-Обида), скорбь и печаль (Карна и Жля) и т.д. Многие символы взяты из народных поэтических традиций. В народных поэтических представлениях выражено сновидение Святослава. Уподобление боя кровавому пиру и молотьбе связано с жизнью тех «ратаев», интересы которых защищает и представляет автор «Слова»[15].

В памятнике использовано столь много символов, взятых из народной поэтической традиции, что без их анализа невозможно судить о его символической системе. Художественный символ органически присущ системе памятника. Фольклорно-поэтические образы «Слова», рожденные на почве дохристианского, языческого миропонимания, несут большую идейную нагрузку (образы князей-соколов, мифосимволические отождествления Бояна с соловьем, орлом, волком и белкой, сравнения людей с животными, событий — с явлениями природы). Автор, близкий сознанию народа, сохранившему дохристианский способ мышления и воспринимавшему мир по-язычески, творит свое произведение в этом духе.

Автор «Слова» был одновременно и преемником, и критиком традиций Бояна, своего предшественника. Он восхищается высоким литературным мастерством Бояна, но критикует его за одностороннее отражение истории. Автор «Слова» оценивает историческое событие по «былям сего времени». «Слово» написано в феодальный период, когда официально господствовало христианство. Но автор рассказывает об Игореве походе, размышляет о нем, следуя народному сознанию: оценивает поход как трагедию «внуков Даждьбога», переживает эту трагедию в единстве с живой природой. Историческое сознание автора основывается на мифологическом представлении о сущности окружающего мира. И это отразилось в мифопоэтической системе памятника.

В «Слове» так же, как в «Тонмен-ван», воскрешается мифологическое представление народа о мире, которое было вытеснено новым религиозным мировоззрением. Но прежнее сознание людей сразу не отмирает, оно остается в глубине душ народа.

Ли Гю Бо, автор «Тонмен-ван», отвергая конфуцианское учение, в соответствии с которым «порядок» в мире обозначает ориентацию на «центральный Китай» (по этой схеме Корея рассматривается как часть Китая), обращается к древнему мифу. В первой половине существования Коре представители официальной литературы, в том числе Ким Бу Сик, истолковали миф о Тонмене в конфуцианском духе. Ли Гю Бо, свободный от конфуцианских литературных принципов, восстанавливает миф о Тонмене по народной версии, тем самым подчеркивая его историческое значение. По объему «Тонмен-ван» почти в 2 раза больше, чем летописная запись о Тонмене Ким Бу Сика.

Автор «Слова» также был свободен от официальных литературных принципов своего времени. Как поэт-патриот, он глубоко переживает беды родины и поэтому так страстно взывает к князьям выступить на ее защиту. Он гениальный поэт, потому что вопреки общепринятым литературным канонам создает шедевр, основанный на миропонимании своего народа.

1.6. Итак, можно сказать: «Тонмен-ван» и «Слово» написаны в близкое время (в конце XII в.), в похожих исторических условиях. Обеспокоенные сложившейся на родине ситуацией, корейский и русский авторы поэм призывают к тому, чтобы государственные деятели осознали грозную необходимость объединения сил и защиты своей родины от внешних врагов, создали бы условия для мирного труда. Оба памятника являются лиро-эпическими произведениями. В «Слове» автор, описывая современные ему события, охватывает и прошлое, дает перспективу на будущее. Автор «Тонмен-ван», рассказывая содержание древнего мифа, рассказывает и о событиях современности, и о перспективе на будущее. Следует отметить, что если основа «Тонмен-ван» — древняя, мифологическая, то в «Слове» нашло отражение мифологическое сознание людей того времени.

## 2. Временная и пространственная символика

2.1. «Время» является важным понятием в литературе средневековья. Однако представления о времени в средневековой литературе были во многом иными, чем в литературе нашего времени. Личностная позиция в восприятии времени человеком средневековой культуры еще не выработалась, это типичная черта любой средневековой культуры. Но автор «Слова» обращается со временем творчески. По этому поводу Л.В.Поляков пишет: «Помещающий себя во временной поток повествователь (средневековья) ясно различает отдельные слои, течения этого потока и, объединяя их общим именем "время", имеет тем не менее возможность обнаружить свою индивидуальность в выделении какого-либо "привилегированного" (в силу той или иной конкретной потребности) слоя во взгляде на остальную совокупность времени именно с этой сознательно (насколько этого возможно в "коллективном бессознательном") выбранной точки зрения»[16]. Далее исследователь говорит, что «линейность времени в средневековье немыслима, она повела бы к обессмысливанию, самоотрицанию архаической мифокультуры. Именно поэтому — как условие выживания, как безусловный защитный рефлекс — во всех архаических культурах появляется образ, символизирующий постоянный возврат к великому "Началу"»[17].

Интерес к тому, «откуда мы», был характерен для архаической литературы народов мира. В любой мифологической литературе «начало» играет важную роль. «Начало», выраженное в мифах, по мнению С.С.Аверинцева, «не просто временная точка отсчета, но некое лоно изначальности, основание, принцип и первоначало. Оно не только было, но как бы продолжает существовать и сосуществовать с настоящим, как особый уровень бытия, на котором все "правильно", поэтому человек, желающий действовать "правильно", обязан сверяться с "началом" как с образцом. В этом коренная соотнесенность представлений о "законе" и о "начале", так что невозможно говорить о первом, не оглядываясь на второе»[18].

2.2. «Тонмен-ван» — мифопоэтическое произведение, для которого характерна идея «начала». В «Тонмен-ван» прошлое изображается как «некий золотой век», когда государь управлял с «великодушием» и «мудростью», а народ занимался мирным трудом. В конце поэмы Ли Гю Бо говорит: «... Вообще когда возвышается государь, бывают многие предзнаменования и благоприятные явления, но из-за большой лени и грубости последних потомков пропадало все наследство, переданное прежними государями. Только теперь я понял, что государь, становящийся святым, в горестной, страдающей земле должен внимательно относиться к любым, пусть маленьким делам. Сберегая королевский престол, действуя с великодушием и мудростью, просвещая народ с культурой и волей, он навечно утверждает себя в памяти народа и долго управляет страной».

Ли Гю Бо в «Тонмен-ван» утверждает, что плачевное положение дел в отечестве — результат несоответствия политики двора принципам управления государством, завещанным древними мудрецами. Ли Гю Бо обращается к божественному происхождению корейского народа. Ли Гю Бо противопоставляет современному обществу «золотой век», когда первые правители, основатели корейских государств, мудро вершили государственные дела в соответствии с «принципами управления», выдвинутыми древними правителями. Поэтому не было смут, чиновники исполняли свои обязанности как дóлжно, а народ трудился, и все благоденствовали.

С.А.Токарев и Е.М.Мелетинский так определили существенные стороны мифологического мышления: «Для мифа весьма характерна замена причинно-следственных связей прецедентом — происхождение предмета выдается за его сущность. <...> Объяснить устройство вещи — это значит рассказать, как она делалась, описать окружающий мир — значит рассказать о его происхождении»[19].

В «Тонмен-ван» время, главным образом, мифологическое. Однако в местах, где Ли Гю Бо прямо обращается к современным ему читателям, время становится историческим. Автор поэмы подчер-

кивает необходимость на примере прошлого воскресить идеальное общество корейского народа. Этот призыв адресован будущему.

Поиски политического идеала, обращенные в прошлое, привели поэта к изображению жизни народа, бедствия которого воспринимались как неизбежное следствие дурного правления, и поэма приобрела историко-дидактический характер.

В период ослабления центральной власти и расширения агрессии патриотически настроенный автор поставил вопрос: «Откуда мы?». На примере Тонмена Ли Гю Бо поставил вопрос, что же надо сделать, чтобы корейскому народу вновь обрести величие. Обращаясь к мифу о Тонмене, он пришел к выводу, что надо воскресить принципы управления первого государя — мудрость и великодушие.

2.3. В «Слове» тоже говорится о современной автору эпохе и об истории. В древнерусской истории обнаруживаются причины, объясняющие события, описываемые в поэме. Именно поэтому прошлое в «Слове» является контекстом повествования о событиях. И это становится яснее при сравнении «Слова» с летописными повестями, где рассказывается о походе Игоря против половцев. Автор «Слова» охватывает своим взором период «от старого Владимира до нынешнего Игоря». Для автора «семена» нынешнего несчастья уже «посажены» в прошлом, когда земля была засеяны «костями русских сыновей» во время междоусобиц. Идеальная модель государства также находится в прошлом.

В «Слове» прошлое и нынешнее конкретизировано в понятии «дедов-внуков», что имеет большое значение для осмысления этого памятника. В «Слове» история представляется ареной отношений между родственниками. Наследие «дедов» связывается с делами «внуков». Князь Игорь — внук Олега Святославича, Боян — «внук Велеса» и русский народ — «внук Даждьбога». В «Слове» все князья представлены как некая коллективная личность. Автор «Слова», перечисляя многих князей, обращает внимание на их генеалогические связи. Однако не только люди, но и силы Природы, например, Ветер («Стрибожи внуци») связываются с понятием «дедов-внуков».

Поход Игоря Святославича оценивается автором «Слова», в первую очередь, как выступление против единства русских княжеств и продолжение распри, начало которой было положено еще дедом Игоря, Олегом Святославичем. Олег Святославич в «Слове» прозван Олегом «Гориславичем», потому что он ковал «мечом крамолу» и «сеял стрелы по земле», то есть вызывал междоусобицы, от которых страдала Русская Земля.

Трагедия состоит в том, что Игорь не отказывается от родовой традиции; он выступает против половцев сепаратно. Нам кажется, теснейшая взаимосвязь дедов и внуков, нашедшая отражение в

«Слове», имеет глубинный смысл. Родовые связи играют положительную роль только в том случае, если потомки наследуют достоинства своих предков. Князь Игорь является представителем тех наследников, для которых важнее личные интересы и личная честь, чем интересы государства. Святослав же Киевский, представляя генеалогическое древо Ольговичей, является в то же время воплощением идеи объединении Русской Земли. Гениальный поэт, характеризуя героев по их родственным связям, в то же время не воспринимает эти связи как предопределение судьбы.

В «Слове» своеобразно отразилось представление о «Начале» как о «Законе». Концепция времени в «Слове» отличается от концепции времени в христианстве. В христианстве центр времени находится в «будущем», тогда как в «Слове» представление о времени приобретает архаические черты, и центр времени находится в «Начале». Однако «Слово» — произведение, где говорится об историческом событии в конкретном месте, поэтому нельзя забывать, что «время» в «Слове» не теряет своего конкретно-исторического характера. Причина событий, происходящих в «нынешнее время», тесно связана с прошлыми деяниями, но эта связь с прошлым не мешает связи нынешних событий с будущим. Автор страстно призывает князей к объединению против внешних врагов для будущего блага Русской земли.

Так же, как в «Тонмен-ван», в «Слове» наблюдаются архаические черты, отличающиеся как от современного восприятия времени, так и от христианского. Автор «Слова», изображая события на историческом фоне, видит «золотой век» в прошлом, когда Русь была едина, могущественна и народ мог заниматься мирным трудом. Но прошлое в «Слове» неоднозначно, значение истории тут более конкретно и сложно, чем в «Тонмен-ван». Автор «Слова» в прошлом видит не только образец доброго времени, мудрых правителей, но и семена нынешней трагедии.

2.4. Как мы уже говорили, «Тонмен-ван» является героической поэмой, в основе которой лежит миф об основателе одного из трех древнекорейских государств. Миф как литература характеризуется своим символическим языком. Чтобы лучше представить себе миф о Тонмене, нам кажется нужным изложить здесь его краткое содержание.

Небесный государь послал наследника (Хэмосу) спуститься в старую столицу Пуе. Его сопровождала пышная свита. У божества реки было три дочери. Хэмосу похитил старшую дочь — Люхва. Божество реки разгневалось, тогда Хэмосу отправился в подводное царство, чтобы совершить церемонию бракосочетания. Возвращаясь на небо после церемонии, Хэмосу покинул Люхва. Божество реки рассердилось и в наказание вытянуло дочери губы и изгнало ее на реку Убаль. На реке ее сетями изловили рыбаки, и, когда отрезали

ей губы, она рассказала о себе. Государь Кымуа спрятал ее в комнате.

Ее осветил солнечный луч, и она зачала. Затем она родила из правой подмышки большое яйцо. Яйцо выбросили, но оно оказалось неповрежденным. Из яйца вышел необыкновенный мальчик: еще лежа в колыбели, он метко стрелял из лука. Через некоторое время он отличился на охоте. Сыновья государя стали завидовать ему и захотели избавиться от него. Государь послал мальчика пасти коней.

Герой хитростью добыл для себя хорошего коня. Вместе с тремя друзьями он убежал на юг. Путь им преградила река. Герой так обратился к ней: «Я сын Небесного государя, а по матери — внук божества реки». Рыбы и черепахи составили мост, и Тонмен переправился. Мать послала ему зерна пяти хлебов, спрятанных в горле у голубей. Тонмен убил голубей, вынул у них из горла зерна, а потом оживил птиц. После этого он основал столицу и начал править народом[20].

В мифе Хэмосу является сыном Неба. «Небо» — особое понятие, сущность которого — сверхъестественность. Небо — это божественный принцип, который предстает как личность в образе Бога. В «Тонмен-ван» небесный Бог, в частности, символизируется Светом.

Люхва, будучи дочерью Реки, была рыбой. Река — это не просто река, а божественное начало. Известно, что в древности обожествлялись разные водные источники, благодаря которым растут хлеба, дающие пищу человеку. Природа в мифе воспринимается как самодовлеющая величина, символ Богини-матери. В «Тонмен-ван» Люхва совместно с Небом рождает, защищает и помогает сыну-человеку открыть новый мир. Люхва одновременно является символом Реки и животного мира, и в этом качестве она приобретает божественную силу. Через испытание Люхва приобретает тело человека и рожает человека. В христианстве Мария не проходит никакого испытания, она забеременела по воле и по выбору Бога.

Если в памятнике «Тонмен-ван» Хэмосу — это образ мужественного, волевого воина (он меряется силой с отцом Люхвы), могущественного исполнителя Небесной воли, то Люхва — это образ покровительницы своего сына-человека. Она оберегает его судьбу. Люхва, несмотря на горесть расставания с сыном, советует ему бежать от Кымуа и его сыновей. Она подсказывает, как достать коня, посылает зерна хлеба с птицами. Небо, в свою очередь, помогает Тонмену переправиться через реку.

Небо и Природа принадлежат божественному, а не человеческому началу. Имея свои сферы влияния, они взаимодействует друг с другом. Человеческая жизнь обеспечивается тем, что Небо дает через Природу. Благодаря взаимодействию Неба и Природы (соединению Хэмосу и Люхвы) реализуется земной порядок (рождение Тонмена, основателя государства).

2.5. Мы считаем, что символическая система «Небо — Природа — Человек» в «Слове» имеет довольно много общего с системой, которая нашла отражение в корейском памятнике, основанном на мифе о Тонмене. В «Слове» использовано много мифологических символов. В XII веке идеологический климат на Руси все еще не установился. Большинством населения христианство воспринималось как чуждое, не свое. В общественном сознании христианские представления соседствовали с представлениями дохристианского миропонимания. Если христианское мировоззрение насаждалось на Руси властью и становилось главным, то «Слово» представляло своеобразную литературную область, где сохранилось традиционное для русского народа мировоззрение. Свободное от догматических понятий и созвучное жившему в народе эпосу, «Слово» было близко и понятно самым широким слоям общества. При этом в нем нет противопоставления язычеству и совсем отсутствуют черты какого-либо возвеличивания или пропаганды христианства. «Слово» донесло до нас отзвуки славянских мифов о богах (Даждьбоге, Хорсе, Стрибоге, Велесе).

Сопоставление символических систем «Тонмен-ван» и «Слова» показывает, что образ Солнца в «Слове» напоминает образ Неба и Света в «Тонмен-ван», оно — не объект, а субъект, активно участвующий в ходе повествования. О поражении Игоря Солнце затмением предупреждает князя еще в начале похода. И в конце поэмы Солнце благословляет Игоря, помогая ему совершить благополучный побег из половецкого плена. Таким образом, Солнце объединяет начало и конец повествования. Кроме того, символический язык Солнца, который выражается в световой гамме, образует важнейшую идейно-образную подсистему. Солнце в «Слове» — главный распорядитель мирового порядка.

Исследователь А.М.Робинсон, сравнивая «Слово» с летописными повестями, которые посвящены походу Игоря, особо отметил важное значение на Руси солнечной символики в период создания «Слова». В летописях смысл «затмения» трактуется одинаково и традиционно: оно выявляет волю Бога, Солнце же, являясь объектом описания, остается статичным. В «Слове» оно самостоятельно и выступает как активный субъект, для воспроизведения действия которого употребляется творительный, орудийный падеж (тьмою). Никаких сравнений Солнца с чем-то («яко месяц», «яко уголь») нет, потому что, во-первых, Солнце представляется действующим по своей воле, а во-вторых, оно, так же как в архаичных анимистических представлениях, есть сущность, равная самому себе, потому что оно ни с чем не сравнимо, как Бог в христианских представлениях[21].

Солнце в «Слове» — высший повелитель Природы и людей, верховный блюститель добра и зла. С ним теснейше связана мысль

о сохранении единого центра высшей государственной власти. Солнце обожествлено само по себе, как часть Природы.[22]

Так, в обоих памятниках Небо и Солнце получают божественную силу, которая делает их творцами мирового порядка. Их функции напоминают действия Бога-Отца в мифологии многих народов.

Природа, изображенная в «Слове», имеет мифологические черты. Она живая — трава и деревья выражают свою жалость и тоску в связи с происходящими событиями. Животные и птицы предупреждают Игоря о несчастии, помогают Игорю во время бегства от половцев. Природа активно участвует в событиях. Поскольку она становится ценностно значимой, то ей приписывается способность влиять на судьбу человека. Воля Неба реализуется через природные явления. Конкретные существа — растительные (деревья, трава), животные (птицы, звери), река, ветер действуют в составе мифосимволической системы.

В «Плаче Ярославны» поэт конкретизировал и свое понимание Природы. Природа тут — многоликое божество: Солнце (верховное божество), Ветер и Днепр. Ярославна, обращаясь к Солнцу и Ветру, упрекает их за жестокое отношение к воинам Игоря. Здесь сама Ярославна включается в мифологическую систему природы. Она как представительница Природы плачет от сочувствия к людям и просит у нее защиты своего народа от врагов; в ответ на обращение Ярославны природные силы помогают Игорю убежать из плена. Его характер изменяется. Если вначале он не отказывается от похода, несмотря на грозное предупреждение Солнца об ожидающей его неудаче, то впоследствии, во время бегства из плена, он, преображенный душою, искренне благодарит Донец за помощь. Таким образом, в «Слове» образ Природы так же, как в мифе о Тонмене образ Люхвы, играет главенствующую роль.

Вообще, в славянской мифологии образ Богини-матери занимает важное место.

Воля Солнца соединяется с волей Природы. Она иногда выражает свой гнев, иногда — сочувствие человеку. В древнеславянской мифологии «природа являлась то нежною матерью, готовою вскормить земных обитателей грудью, то злою мачехой, которая вместо хлеба подает твердый камень, и в обоих случаях всесильною властительницею, требующей полного и безотчетного подчинения. Поставленный в совершенную зависимость от внешних влияний, человек признал ее за высочайшую волю, за нечто божественное»[23].

Природа исполняет волю Неба относительно человека. Если в мифе «Тонмена» Небо (Солнце) напоминает Бога-Отца, грозного и могущественного, то Природа напоминает Богиню-Мать в этом же мифе. Она сопереживает человеческой судьбе народа и действует подобно силе, защищающей его от гнева Бога-Отца.

В гармоническом союзе Неба и Природы заложен образец порядка в человеческом мире. В такую мифологическую систему укладывается история. Автор «Слова» увязывает космическую схему с русской историей. Исторические лица и их деяния в «Слове» не теряют своей актуальности. С одной стороны, она осмысливается с точки зрения вселенского порядка, с другой стороны, она имеет свои специфические причины в деяниях исторических лиц и в развертывании событий. Сам поход Игоря оценивается как нарушение мирового порядка (он действовал вопреки воле Неба) и одновременно его деяния подвергаются упрекам современников, потому что он разрушал единство Русской земли.

Итак, автор «Слова» и автор «Тонмен-ван» показали, что судьба человека неотделима от Вселенского порядка, а эволюция человеческой истории — от эволюции Космоса. Из всех совпадений и сближений между мировоззрением авторов «Слова» и «Тонмен-ван» эта общая идея представляется нам самой фундаментальной. Что же касается различий между двумя литературными творениями, то главнейшее из них мы отнесли бы к художественной форме выражения, обусловленной как историческими, так и национальными особенностями русского и корейского народов. Мы отметили в начале статьи некоторые из этих отличий, но лишь в первом приближении, нисколько не претендуя на полноту освещения.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1 Слово «ван» на корейском языке обозначает «король».

2 Корейская литература в средние века была двуязычной. Корейцы примерно в I веке до н.э. заимствовали китайскую иероглифическую письменность. Но из-за отсутствия национального алфавита корейцы, за исключением лишь представителей привилегированных слоев, свободно владевших древнекитайским, не понимали письменного языка и в результате постоянно сталкивались с разнообразными проблемами. После установления династии Ли (1442), в условиях роста национального самосознания, под руководством короля Сечжона в 1443 г. был создан, а в 1446 г. официально принят корейский алфавит «хангыль»; тем самым была выполнена задача большой культурной значимости. Однако до XX в. «хангыль» был распространен, в основном, среди простого народа и женщин. Начиная с XII века, литературе на китайском языке отводилась роль «высокой» литературы. Исторические и философские труды также писались на китайском языке вплоть до XX в.

3 Размер всего памятника в русском переводе примерно 20 страниц.

4 «Слово о полку Игореве». М., 1975. С. 32.

5 В Коре исторически сложилось так, что военные чиновники занимали второстепенное положение по сравнению с чиновниками гражданскими. Уже на ранних этапах истории Коре военные не раз пытались изменить положение. Но с особой силой их давнее недовольство вырвалось на-

ружу в ту пору, когда сама правящая верхушка раздиралась острыми противоречиями.

[6] Пока в Коре укреплялся диктаторский режим Чхве Чун Хона (рубеж XII–XIII вв.), потомки которого удерживали фактическую власть в стране на протяжении четырех поколений, в центре азиатского континента формировалось монгольское государство, превратившееся в XIII в. в мировую державу. Сначала монголы только обложили Коре данью, однако в период правления короля Кочжона они предприняли широкомасштабное вторжение в страну (1231 г.). Кочжон перенес столицу на недоступный для сухопутной монгольской армии остров Канхвадо и оттуда организовал военное сопротивление захватчикам. В течение последующих 40 лет монголы неоднократно вторгались в Коре, но всегда наталкивались на сплоченный отпор всего населения страны. Особенно решительно боролись с монголами крестьяне, ремесленники, крепостные (История Кореи. Сеул, 1993. С. 66–68).

[7] В это время многие образованные люди разочаровываются в конфуцианских идеалах, связанных с сильной государственностью, и переходят на позиции даосизма, бросают чиновничью карьеру, бегут от общества к природе. Так рождается другое поэтическое направление, представители которого отвергают мир бедствий и ищут некую обетованную землю, где жизнь людей гармонична и спокойна (История всемирной литературы. М., 1983. Т. II. С. 152)

[8] Мифы народов мира. М., 1991. Т. I. С. 667.

[9] Самые первые исторические предания, относящиеся к V–VII вв., погибли, но материалы наиболее раннего из дошедших до наших дней сочинений позволяют предположить, что этого типа сочинения были хранилищем образцов учительного творчества корейских племен.

[10] Никитина М.И., Троцевич А.Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969. С. 33.

[11] Робинсон А.Н. Литература древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С. 318.

[12] Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. Л., 1985. С. 15–25.

[13] Автор «Самгук саги» (Исторических записей о трех государствах — вышли в свет в 1145 г.). «Самгук саги» является самой древней из хроник, сохранившихся по истории трех древнейших государств: Когуре, Пэкче и Силла, существовавших с начала нашей эры до 668 г. «Самгук саги» написана в традициях конфуцианской историографии и повествует, в основном, о политической и социальной истории.

[14] В первой половине существования Коре (918–1170) чиновники из знатных семейств, управлявшие государством и относившиеся пренебрежительно к корейской национальной культуре, намеренно преуменьшили значение мифологической легенды о «Тонмене». Миф о Тонмене в официальной письменности подвергался сокращению. Ли Гю Бо, вопреки наметившейся тенденции, уделил этому мифу особое внимание.

[15] В.В.Кусков. История древнерусской литературы. М., 1989. С. 108–109.

16 Поляков Л.В. Время в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и древнерусская философская культура. М., 1989. С. 44.
17 Там же. С. 45.
18 История всемирной литературы. Т. I. М., 1983. С. 278.
19 С.А. Токарев, Е.М.Мелетинский. Мифология // Мифы народов мира. Т. I. М., 1991. С. 13.
20 Никитина М.И., Троцкевич А.Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969. С. 228–231.
21 Робинсон А.Н. Солнечная символика в «Слове» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства 11–17 вв. М., 1978.
22 Косоруков А.А. Гений без имени. М., 1989. С. 145.
23 Афанасьев. А.А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. I. С. 56.